

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

Фенюшкины сказки

Из романа «Мальва на асфальте»

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Фенюшкины сказки : Из романа «Мальва на асфальте» / Бурмин Петр ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 20 с. : порт.

©Бурмин П. С., 2010
©Рисунок на обложке Константина Егорова

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

СКАЗКА

Наш дом у тракта большого находился: из-за этого нам отбоя от приезжающих не было; опять же маманька с тятенькой не шибко от них отбивались – всякого на ночевку пускали, кто ни попросится. Не было вечера, чтоб две-три подводы, а то и машина, во дворе у нас не останавливались.

Я маленькая-маленькая, а рада была новым людям. Правда, не без корысти радовалась-то: кому-кому, а мне бесприменно подарочек какой-нибудь аль гостинец – ну там свистульку глиняную, а то и комочек сахару – привозили.

Только самым желанным подарком-то была для меня сказка.

Перво-наперво спать укладывались – одни на полати, другие прямо на пол, тулупы овчинные под себя постеливши...

– В некотором царстве, в некотором государстве... – так она обыкновенно начиналась, сказка-то.

Я на печке за маманькой замирала. Потемки красками разными разукрашивались, длинная зимняя ночь становилась местом, где маленькие добрые феи матерых злых колдунов одолевали, а Иванушка-дурачок самым умным оказывался.

– Жили-были две сестры, не тужили до поры, – говорил рассказчик. – Одна была красивая да ловкая – снопы вязала ли, управлялась ли с литовкою. Другая противной да кривобокой уродилась – ни на что не годилась. Первую звали Правдой, а другую Кривдой...

Чаще всего до конца сказку дослушивала. Но случалось, и на середке – засыпала. То, что успевала услышать, запоминала: остальное сама утром додумывала.

СКАРЕД

Уж не знаю, можно ли скупердя назвать человеком? Жил такой на белом свете, небо коптил понапрасну. Всем скупердьям скупердяй был. Сам голодал и других морил голодом – все копейку копил, в кубышку складывал. Когда его дитя единственное от недоедания умерло – матка-то уж в земле покоилась, – уж так он был рад-радешенек, что одной нищенке не пожалел гроша ломаного. «Хорошо это, – радуется. – Уж теперь моя кубышка никому не достанется». Но радовался-то он недолго: железный шкаф, в котором он деньги хоронил, ненадежным местом ему показался. «Не дело!.. Всякий догадается, что тут лежат денюжки... Куда бы их спрятать?» – ломает себе голову. Поднялся на чердак да под разное хламье засунул свои сбережения. Засунуть-то засунул, а покоя-то все

одно ему не было: еще пуще прежнего трясется. «Случись пожар, – хнычет, – ведь сгореть могут...» После этого закопал деньги в подполье. Ночь наступила, а скряга не спит – с боку на бок переворачивается. «Что если грабители нагрянут? – рассуждает, а сам потом холодным от страха за свою копейку обливается. – Первым делом они в подполье искать станут... Сплоховал я. Не докумекал». Перенес кубышку в собачью конуру. «Не то, – вздыхает посередь ночи. – Долго ли отравить собаку-то? Может, в колодце добро спрятать?» Из колодца на другой день в сумерках вынул. «Вор – мужик дошлый: допрет не умом, так хитростью, – соображает сквалыга. – Я-то ведь знаю, где кубышка находится, а разве я его головастей?». Потом в проруби замораживал, в гнездо сорочье подбрасывал, у соседа в саду закапывал – одним словом, таскался со своей кубышкой, ровно кошка с салом... Да и по сей день, должно быть, таскается. Разве от себя спрячешь?

СЛЕПОЕ СЕРДЦЕ

Как-то раз пришла Любовь да и говорит:
– Сердце, Сердце, я Любовь твоя.
– А ты настоящая? – спрашивает Сердце.
– Слепое ты, – сокрушается Любовь, а сама пошла к другому. – Незрячему Сердцу все одно, кто рядом с ним находится.

ГЛУПАЯ СОРОКА

Жила-была Сорока на тополе. Полз мимо Древоточец, спрашивает ее:
– Укажи мне лесину потрухлявее.
Сорока-то была страсть какая ленивая и, не подумавши, отвечает ему:
– Неохота.
– Тогда твое дерево грызть буду, – грозитя Древоточец.
А Сорока:
– Грызи, – говорит. – Только верхушку не трогай: на ней гнездо мое находится...

НЕ БЕРЕЖЛИВАЯ РЕКА

Текла когда-то Река в берегах песчаных. Захотелась ей простора вольного.

– Берега, берега, – спрашивает, – что вы делаете?
– Тебя от гибели оберегаем, – отвечают берега.
– Я вам маленькая, что ли, или калекка какая, что нянчитесь со мной? – выговаривает. – Уходите от меня на все четыре стороны – не тесните...
И берега отступились. Что им оставалось делать, раз прогоняют? Теперь-то в тех краях реки нет. Так-то.

СПЕСИВЫЙ ГУСЬ

Гордый был Гусь-то. Попросился он как-то в курятник на ночевку – проездом в куриной местности он оказался. Петух ему и говорит:

– Лезь на верхнее седло – гостенечку уважаемому там почетное место.

Гусь-то не ведал куриных порядков – решил, что его принизить задумали, пославши наверх. Ответил на это так:

– Я – Гусь, стало быть, сидеть мне рядом с курицами неподручно.

Петух усмехнулся себе в бороду, подмигнул рябам да и говорит гостю:

– Неволить не стану. Располагайся, как гордость позволяет.

Утром-то Гусь понял свою оплошку. С тех пор как шелковый ходит – не зазнается.

Куриным пометом лечить надо спесивых.

МЫШКА И ХОМЯЧОК

Мышка у норки своей сидела да зернышко ячменное переваривала – его хомячок обронил, когда пробежал мимо. Солнышко пригревало, травы вокруг колыхались от ветерка теплого: зверюшке того и надо – нежится бездельница. Еще бы вольготнее жилось Мышке, если бы Хомячок с ней был ласковой да разговорчивей. Только он не такой. Она с ним так и сяк. А он никак. Ну не совсем чтоб никак: другой раз пробурчит что-нибудь невразумительное – больше от него ничего не услышишь. Ни выговорами, ни попреками не проймешь невежу толстокожего. Дай, думает Мышка, в гости к нему сбегая: не мытьем, мол, так катаньем дойму соседа – разговориться заставлю. Бегала. И не единожды. Только ни разу дома его не захватывала... Так лето минуло, за ним – осень. А как пороша выпала, сам пришел навестить Мышку. «Вот и я к тебе пожаловал, соседка, – молвит Хомячок. – Дела все переделаны, теперь и побалакать можно: за разговорами-то и долгие зимние вечера короткими покажутся... Но, вижу

я, тебе не до разговоров, – примолвил он, когда заглянул в ее пустые закрома. – Ты за лето уже выговорилась – до единого зернышка».

ДВА ПУТНИКА

Шел Путник. Дело-то осенью было. Днем – ничего, а к ночи дрожь пробирать его стала. Набрал сухих сучьев, запалил костер – сидит греется. Тут другой Путешественник подходит да и говорит:

– Спасибо тебе, братец, что из трясины вывел.

Тот отвечает на это:

– Глаза свои зоркие благодарю, что в такой глуши мой неказистый костерок заметили...

БОГАТСТВО

Зашел Добрый Молодец в дом к одному многодетному крестьянину да и молвит:

– На дворе темно и холодно. Пусти, хозяин, на ночевку.

– Ночуй, – говорит хозяин. – Только перво-наперво скажи, куда путь держишь?

Тот отвечает:

– Богатство ищу. Ищу-то ищу, а где оно – не ведаю. Может, ты знаешь, папаша?

– Как не знать? – смеется крестьянин. – Век, поди, прожил. У меня семь дочек имеется, одна другой краше: какую из них осчастливишь, с той и богат будешь.

БЕЛЫЙ ВОРОН

Ворона выходила замуж.

Среди приглашенных был Белый Ворон.

– Какой красавчик! – каркает одна птица.

– Всем воронам ворон! – подхватывает другая.

– Это потому он такой белый, – говорит третья, – что падалью не питается – брезгает...

Невеста слушала – слушала да и говорит:

– Такой-то мне в мужья и нужен – белоперый: с этим мне всегда будет сладко, сколько не кричите: горько. Кыш от меня, – набросилась она на жениха, – чернота вонючая!..

Тут старый ворон, какой сидел неподалеку да трухлятинкой лакомился, не выдержал:

– Дура ты, дура, – осуждает. – Это ж не плохо, а хорошо, что мы зобы дохлятинкой набиваем: за то нас «санитарами» земли навеличивают.

БУРУНДУЧОК

Жил, не тужил Бурундучок на кедровой опушке; с ветки на ветку прыгал, орешки лузгал да по сторонам поглядывал – шибко любопытный был звереныш.

Раз смотрит: на траве под деревом что-то такое-этакое поблескивает...

Другой бы на это не обратил никакого внимания, а наш заинтересовался.

Спустишь, думает. А бурундучиный закон не нарушу, если слажу да гляну на то, что так приглядно сверкает?

Не зря он про закон-то вспомнил: их у бурундуков великое множество, и все они – один другого строже.

Разрешалось бурундукам на ветках резвиться, даже с оглядкой пробежать по земле от одного дерева до другого; не возбранялось им пить дождевую водичку, есть ягодки, запастись впрок орешки. А вот про то – можно ли интересоваться разными железяшками – в законе ничего не говорилось: то, что Бурундучок увидел под деревом, было консервной банкой из-под тресковой печени.

Мороковал Бурундучок, мороковал, да и прыгнул на землю.

Поглянулась ему печень-то, когда попробовал: после этого только о ней и думал. От орехов, грибков и ягод его с души воротить стало. Брезговал он и фрикадельками из хека: банки из-под этого кушанья валялись, почитай, под каждым деревом – иные только наполовину были выедены. А вот тресковой печени нигде больше не попадалось, сколько зверек не рыскал по лесу. Отощал сердечный; сохнет и сохнет по своему лакомству.

Пропаду, думает, если печени не раздобуду.

Печень печенью, а жить-то надо; подкрепился орешками да и в путь отправился. Прыгает с ветки на ветку, с дерева на дерево перемахивает. К исходу дня Куропатка ему повстречалась.

– Не знаешь ли ты, где треска находится? – спрашивает Бурундучок птицу. – Это рыба такая – на банке ее нарисованную видел, – объясняет.

– Рыба – тварь водяная, – говорит Куропатка. – Поворачивай направо и скачи, пока Великое Озеро не попадетсЯ.

Через три дня и три ночи лес кончился. За тростником прибрежным вода большая показалась.

Бурундучок обрадовался.

Это, должно быть, и есть Великое Озеро, – думает.

На берегу он Лягушку Зеленую увидел; она бабочкой и стрекозой только что позавтракала, теперь, сытая и довольная, на солнышке грелась.

– Я – Квакушка, – квакает. – А ты кто?

– Лесной житель я, Квакушка, – отвечает Бурундучок. – За треской охочусь. Есть тут такая?

– Не слыхала, – говорит Лягушка. – Пойду спрошу у Хозяйки Озера – Щуки: она все на свете знает.

Щука подплыла к берегу, морду зубастую из воды высунула. Громадная была рыбина; мохом зеленым обросла от старости.

– Кому тут Треска понадобилась? – спрашивает.

– Мне, Хозяюшка, – Бурундучок отвечает.

– Она тебе теткой доводится аль матерью родной приходится? – допрашивает Щука.

– Никакая она мне не родственница, – отнекивается Бурундучок. – Если сказать без утайки, меня печень ее интересует.

– Треска у меня в Озере не водится, – отрубает Щука. – Ее в море искать надо – на краю земли, стало быть. Но я помогу твоему горю, лакомка. Бери мою печенку: она ничем не хуже тресковой.

Глупый Бурундучок запрыгал от радости.

– Тогда вылезь на берег, – облизывается звереныш. – Потрошить тебя буду.

А хитрая рыба вот что на это ему сказала:

– Стара я для таких кордебалетов, полосатенький... Да и зубов твоих жалко – поломаешь их, пока перегрызать шкуру мою будешь. Есть способ получше, чтобы до печенки моей добраться... Я вот сейчас пошире пасть свою раскрою, а ты не зевай – смотри, что там у меня находится... Да, нет, не язык это, а кончик селезенки виднеется: одна мышка утром ей позавтракала да на обед маленько оставила. На мои потроха много охотников имеется: одни, как ты просятсЯ, других сама зазываю. На днях уточку молоденькую почками моими потчевала: так она поклевала их вместе с камешками, какие шибко меня донимали. Сердце-то? Еще в молодости от него избавилась – не то хомячку, не то горностаю скормила, не помню уж. Если когда-нибудь со своими внутренностями захочешь разделатсЯ, в первый черед сердце выбрасывай, потому как в нем не только своя, но и чужая боль находится. Так-то. Можешь и желудок выгрызть заодно с печенкой...

Если сказать одним словом, одураченный Бурундучок сам в глотку Щуке запрыгнул.

БОБЕР

Один Бобер хлебопашеством заняться надумал. Бросил запруду свою да на поле переселился. Пришла пора сеять, а нечего – не запаса семенами загодя. Хорошо Мышка-полевка над ним сжалилась – дала ему сколько надо. Вспахал кое-как, посеял.

– Сосед, – говорит ему Мышка через некоторое время, – прополол бы пшеницу-то, а то трава ее забивает.

Бобер пришел на поле да и гадает:

– Сколько тут всякой всячиныросло! Только какая трава, а какая пшеница, ведать не ведаю. Должно быть, та, что цветет красиво...

Гадал-гадал да и вырвал пшеницу.

Мышка головой покачала:

– Хорошо васильки пахнут, а от свежего хлеба аромату больше.

Бобер гордый был, в конфузе своем не признался.

– Я это нарочно сделал, соседушка; цветы государству сдавать буду, – объясняет.

В другой раз не подкачаю, думает.

Весна опять наступила. Чуть свет, а Бобер на поле ковыряется – пашет. Соседи сеют, и он сеет: семенами у Хомяка разжился.

Пришло время – сам полоть догадался. Только и тут оплошка вышла: сорняки зубами вырезал, а яровую хвостом выбил.

– Сосед, – окликает его Мышка-полевка, – что же ты теперь государству сдавать будешь?

Бобер промолчал – сказать больше нечего было.

Душа человеческая полю подобна: в ней тоже всякая всячина вырастает. Смотри в оба, когда зло выдергиваешь, кабы вместе с ним добро не вытоптать.

ЗАГАДКА

Шел Старичок-Путевичок, о палочку-постукалочку опирался. Дорога то вверх поднималась, то вниз падала. Тут Добрый Молодец навстречу ему попадается.

Остановились – поздоровались. Вечерело, и они ночь вместе провести надумали. Костерок запалили. За ужином каждый рассказал о том, что в дороге видел и что кому хорошего сделал.

– Дедушка, помоги мне советом, – просит после этого Добрый Молодец. – Перед тем как в путь отправиться, я Прекрасную Веду посватал. Выйду, говорит, если вот эту загадку разгадаешь: когда прошлое и будущее вместе сходятся?

Старичок-Путевичок губы бескровные пожевал, бороденку белешенькую потрогал.

– Мудреную загадку твоя любезная тебе загадала, – вздыхает. – Ничего другого не скажешь. Забудь о ней – не ломай зазря себе голову.

Добрый Молодец на колоде сидел. А тут поднялся.

– О чем ты толкуешь, старый? – строжится. – Забыть про загадку аль про Прекрасную Веду советуешь?

Старичок-Путевичок нахмурился.

– Про ту и другую, – отвечает. – Пустое дело ты затеял, голубчик. Веда замуж за тебя не выйдет, пока не отгадаешь. А как до смысла доберешься, сам от нее откажешься...

Добрый Молодец еще больше ошетинился.

– Договаривай, пень трухлявый, – приказывает, а сам уж кулаки сжимает, – не то силой вытрясу!..

Старичок-Путевичок опять губами пошамкал.

– Утихомирься, дурень, – укорачивает. – Слушай, раз такое дело. Разгадка вот в чем заключается: прошлое и будущее тогда вместе сходятся, когда неравные по возрасту люди женятся... Сестрица моя старшая ведала, что загадывала – не даром мудростью издавна славится.

БАБОЧКА

Пчелка первый раз за взяткой вылетела.

До этого она малышей воспитывала, за чистотой следила, воду из меда выветривала, а сама о вольнице луговой мечтала; мечтать мечтала, а что это такое – не ведала. Не знала она и о том, как цветы выглядят; известно ей было о них только то, что они душистые, как мед, и бархатистые, ровно брюшко у матки.

Сперва правильно летела. Но после того, как раз-другой на стебель чернобылла прошлогоднего наскочила да в траву упала, с дороги сбилась – вместо поляны, куда ее товарки поопытнее направили, в зарослях осоки оказалась. Тут Бабочку красивую с росинкой на крылышке увидела.

«Это, должно быть, и есть цветок, – думает Пчелка, а сама садится на бабочку. – Вон и водичка сладкая, нектар то есть, поблескивает: стало быть, со взяткой возвращаться буду...».

– Ой-ой, – всполошилась Бабочка. – Помнешь платье мое новое... В чем я свадьбу свою праздновать стану? Кто ты, такая-этакая?..

Пчелка на острый лист осоки перелетела.

– Я-то? Пчелка рабочая, – отвечает. – Ты разве не цветок медоносный?

Бабочка смеется да крыльями покачивает.

– Какая ты пчелка да еще рабочая, если цветов не видела? – говорит. – Меня бабочкой-однодневкой кличут. Я и вправду такая – всего один день для жизни мне отпущен.

Пчелка была жалостливая.

– Беденькая! – плачет.

А Бабочка еще веселее засмеялась.

– Напрасно меня оплакиваешь, Пчелка, – молвит. – Да, я родилась сегодня утром, а до следующего рассвета сложу крылья. Да, я проживу один день, всего один день. Но это будет тот самый день, о котором всю свою жизнь мечтает иной долгожитель...

Что бабочка разумела под этим днем? Должно быть, то, ради чего живое существо на свет появляется.

БЕЛОЧКА

Работящая была Белочка-то, но страсть какая самонравная уродилась – делала только то, что сердечко ей подсказывало: хорошо, что оно у нее было не простое, а золотое.

Как-то она прослышала, что к Уссурийской Тигрице беда в нору нагрнула: у ее тигряток зубки стали выпадывать. Пошатаются-пошатаются да и выпадут.

Чужую беду Белочка своей считала, потому не мешкала – на выручку отправилась. Прыгает с ветки на ветку да пушистым хвостиком помахивает. Только на одном болоте маленько замешкались, чтобы корзинку клюквенными ягодами заполнить.

Слышит, кто-то ее окликает:

– Куда путь держишь, Белочка.

Смотрит, Медведица под елкой стоит, а в глазах у нее слезы поблескивают, как росинки.

– Во владения Тигрицы направляюсь, – отвечает Белочка. – У деток ее с зубами что-то неладное приключилось... Слышала, поди? Как-никак по соседству живете.

– Не до соседей мне, Белочка, – говорит Медведица. – От своих забот голова идет кругом: снег на берлогу выпал, а пестуна никак не утолкаю... Помогите справиться с неслухом.

Вот тебе и орешки-сыроежки, – думает Белочка. – Уж зима наступила, а я еще полдороги не осилила.

А Медведице посоветовала:

– Напои пестуна отваром из почек малины – живо уgomонится.

Сказала и попрыгала дальше. Прыг-скок, прыг-скок, а с потревоженных веток белый снежок пудрой сахарной сыплется.

До назначенного места Белочка добралась поздней ночью. Месяц – олень с серебряными рожками – указал ей, где нора тигриная находится.

Разбудила тигрят, а те – недовольные, что не дала им выспаться, – рык несусветный подняли:

«Норра – в горре прроррытая дырра.

В норре тигррята дррыхнут до утрра.

Как ррезаки, ррезцы тигррят остры –

Не трроньте их до утрренней порры».

– И трону – не испугаюсь, – строжится Белочка. – Для меня вы – котята полосатые. Чем рычать, ешьте лучше ягодку, если хотите настоящими тиграми вырасти.

А тигрята не унимаются: опять рычать начали:

«Крровь у тигррят игрриво-горряча:

На завттрак мы заррежем ррогоча.

Умеррит нам рручей пожарр внутрри.

Жирууют на ррябине снигирри».

– Не рябина это, а клюква, – поправляет Белочка. – Ешьте, а то слонов из Африки вызову: они ногами вас растопчут.

Послушались ведь, когда припугнула, есть начали. А вскоре и зубки поправились: какие шатались – окрепли, вместо тех, что выпали, новые выросли.

– Не знаю, как и благодарить-то тебя, Белочка, – говорит Тигрица после этого.

– Сейчас я ни в чем не нуждаюсь, – отвечает исцелительница. – Придет время, и ты хорошее для меня сделаешь. Друг другу только в беде помогает...

– Вот что, милая, – не унимается Уссурийская Тигрица, – поделюсь-ка я с тобой своей злостью: уж шибко ты без нее беззащитная да слабая.

А Белочка – ни в какую.

– Не возьму злость-то – не навязывай, – отнекивается.

– Неужто врагов у тебя не имеется? – допытывается Тигрица.

– И тут ты ошибаешься, – говорит Белочка. – Хорек до меня добирается... Только я его и без злости одолею. А в чем моя сила, сама при случае увидишь.

Сказала это, весело махнула хвостиком и давай с ветки на ветку прыгать.

А как припрыгала домой, ахнула: бурундуки и белки от бескормицы бедствуют.

– В чем дело-то? – спрашивает она соседку, какая на голод ей пожаловалась. – Мало запасли по осени, что ли?

– Не из чего запасы-то делать было, – отвечает та. – Сама знаешь, какое засушливое лето нынче было – ни грибки, ни орешки не выросли. Что делать-то будем?

Белочка подумала, подумала да и говорит:

– Луковицами от саранок питаться придется. Не умирать же нам с голоду? Пойду с кротами договариваться: земля под снегом еще талая – пусть копают... Долг отдадим ядрышками ореховыми из нового урожая.

Белочка про себя забывала, когда о других думала. На дереве ястреб аль филин могли ее подкараулить, только сплошай, а на земле еще больше врагов у нее было.

С кротами-то она встретилась: так и так, говорит, бедствуем – помогите. А те: ладно, обещают, выручим, раз такое дело. Она и рада-радешенька. Сама рада и сородичей своих обрадовать торопится. Про осторожность-то и забыла: невдомек ей было, что у кротовой норки хорек ее поджидает.

Тут-то мне, должно быть, и крышка, – подумала Белочка, когда в лапы врагу своему попала. – Хорошо, хоть с саранками уладить успела... Другие живыми останутся.

Думает да от боли повизгивает. А хорек шкурку на ней рвет – до сердца ее добирается. Но тут Медведица подросла да лапой хребет хищнику перебила.

– Малиновым отваром пестуна усыпила, – объясняет Медведица. – Только тогда хватилась, что за совет даже спасибо тебе не сказала. Не хорошо, думаю. Долг платежом красен; эта пословица человеческая и меж зверей должна быть в почете. Спасибо тебе, Белочка. А к словам своим кадушку меда прилагаю.

Рядом Тигрица с виноватым видом топталась.

– Здравствуй, Царица Уссурийская, – приветствует Белочка Тигрицу, а сама через слезы ей улыбается. – А ты как около меня оказалась?

– Сама не знаю, – отвечает Тигрица. – Как расстались, сердце за тебя болеть начало: видно, чуяло оно, что беда с тобой приключилась.

– Теперь ты понимаешь, – спрашивает Белочка, – в чем сила моя заключается?

1985 год

О себе

Родился я 12 июля 1933 года в селе Солоновка, находящемся в живописных предгорьях Алтая; там начинал учиться в школе, там же, будучи 10–12 лет отроду, написал первые стихи, подражая деревенскому фольклору.

Отец Сергей Васильевич и мать Елена (Акулина по паспорту) Макаровна были потомственными хлеборобами; но, несмотря на это, бросили землю – мотивы мне неизвестны – и, забрав меня, в 1935 году уехали в Сталинск, теперь Новокузнецк, чтобы принять участие в строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Это событие запечатлелось в моей памяти довольно смутно. Зато хорошо помню путешествие, которое мы с отцом совершили обратно в Солоновку по случаю его отпуска – поездка на поезде до Бийска, пешая прогулка по шоссе с горячей надеждой, что нас подберет попутная машина, ночевка под стогом сена и колыбельный шепот затяжного осеннего дождя...

Было это в середине сентября 1940 года.

Спустя две-три недели отец вернулся домой, оставив меня у бабушки, как полагал он, до следующего отпуска.

Об этом периоде своего существования впоследствии я написал стихи; приведу их полностью.

Я помню малого себя
в суконном пиджачке и ботах,
когда она, моя судьба,
лишь набирала обороты.

Я рад был, помнится, до слез,
как мимо городов и пашен,
взяв отпуск осенью, повез
меня отец в деревню нашу.

Я не могу забыть пути
от Бийска до села родного,
что нам с отцом пришлось пройти
в том сентябре сорокового.

Мне не забыть того дождя,
что словно через сито сеял,
что власть над миром утвердя,
загнал нас под копешку сена.

Я не забуду никогда
отца в конце села родного,
где мы расстались... навсегда,
а не до отпуска другого.

Да, отца я больше не видел: в 41-м, тотчас после объявления войны, он был мобилизован на фронт, затем ранен в ногу (госпитализировался в Барнаул; бабушка к нему ездила), а в 43-м под Сталинградом пропал без вести.

Что же касается матери, то она – то ли из практических соображений (одной, мол, легче перебиться в трудное военное время), то ли по легкомыслию – сделала вид, что знать меня не знает: сама не писала мне писем и не читала моих – возвращала их нераспечатанными с пометкой «адресат выбыл».

Таким образом, из гостя я снова превратился в постоянного жителя деревни, в которой семью годами раньше родился.

Межде тем моя бабушка, мать моего отца, Авдотья Ивановна Завьялова (по второму браку), еще относительно молодая женщина, сама была матерью девочки, родившейся позже меня годом, и женой человека, который меня, мягко говоря, не долюбивал. Родной дед Василий Афанасьевич Бурмин погиб во времена партизанского восстания на Алтае.

Материальное положение Завьяловых, у которых я столь долго загостился, по-видимому, оставляло желать лучшего; нет, разутыми, раздетыми и голодными они не были, однако лишнего ничего не имели: иначе я не пошел бы в школу зимой, спустя два года, в той же одежде и обуви (суконный поджачок и ботинки с ботами), в которых я приехал по осени. В результате – я жестоко простудился, заболев ревматизмом, когда начал учиться во втором классе. Остаток зимы бабушка выживала из меня хворь доступными ей средствами.

К следующей зиме я вырос из той одежды, что у меня была. Образование пришлось отложить на неопределенное время.

Аким Иванович Завьялов – таково имя моего неродного деда – трудился на маслозаводе не то конюхом, не то бондарем; по причине того, надо думать, что он работал на производстве – несмотря на то, что бабушка каждое лето обрабатывала плантацию табака или свеклы в колхозе, – среди сельчан мы числились единоличниками.

Никакой живности, кроме десятка–полтора кур, мы не держали. Дедушкин заработок и бабушкины трудодни существенной роли в семейном бюджете не играли; наше благополучие, стало быть, зависело от урожая картофеля и овощей, которые мы выращивали в огороде. С другой стороны, на что-то же покупали керосин, спички и прочие хозяйственные мелочи.

Так или иначе, но первые два–три года войны заметных перемен в своем существовании мы не ощущали. Бедствия наши начались намного позже,

когда обнаружился туберкулез у деда, и он был вынужден отказаться от работы на маслозаводе.

Больной нуждался в питании с повышенной калорийностью, не говоря о лекарствах... Никаких сбережений у нас не имелось. Единственной ценностью, которой мы обладали, было наше жилье – половина рубленного пятистенного дома, стоявшего на бойком месте центральной усадьбы: клуб, сельсовет, сельмаг – все было рядом. Покупателя нашли скоро.

За половину дома нам дали корову и солдатский бушлат в придачу.

Но молоко больному не помогло...

Пока дед был жив, будущие хозяева дома нас не беспокоили, но, едва он умер, они тотчас попросили нас освободить их законную собственность.

На первое время нас приютила хорошая бабушкина знакомая, которая жила со взрослой дочерью в землянке.

Позже мы соорудили собственную землянку; точнее, ее делал Павел Иванович Шарабарин, старший брат моей бабушки, мастер на все руки, человек бывалый и необычайно эрудированный для того, кто в свое время научился читать самостоятельно, а мы – бабушка, ее малолетняя дочь Райка и я – ему помогали. Как полагалось, архитектурное сооружение подобного типа наполовину уходило в землю, остальное мы выложили блоками из дерна. Печь и пол были глинобитными. Накат из неошкуренных сосенок с толстым слоем земли поверх него выполняли функции потолка и крыши.

Новым местом нашего жительства стал Коч-агаш – один из отдаленных участков колхоза; выбирая его, мы руководствовались чисто практическими соображениями: река, в берег которой было внедрено наше жилище, никогда не промерзала, поросшие деревьями горы, что находились неподалеку, вселяли в нас уверенность, что в морозы без дров мы не останемся.

Шло второе мирное лето.

Матушка все-таки вспомнила обо мне – показала в деревне; нарядная и красивая, она в свои тридцать три года выглядела девушкой; погостила, сестер своих – Василису и Марину – попроведовала...

Уезжая, забрала меня; семь лет ждал, когда она это сделает.

По приезде в Сталинск она настояла на том, чтобы я подал документы в ремесленное училище. Я провалился на экзаменах – этого следовало ожидать от подростка с моим ничтожным образованием. Она отправила меня обратно к бабушке в деревню.

Но я уже не мог жить в селе. Мне нужен был город с его асфальтом, заводскими гудками, с его библиотеками, к посещению которых я успел пристраститься.

Два года спустя, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я снова приехал в город – на этот раз по собственному почину. Получил паспорт, устроился на работу, пошел учиться в вечернюю общеобразовательную школу.

Потом призвали в армию.

До призыва на службу и после демобилизации трудился преимущественно в КМК – такелажником, подкрановым, дежурным слесарем, волочильщиком, пропитчиком, токарем, художником-оформителем.

Разумеется, писал. По средам в редакции «Большевистской стали» – так в ту пору называлась городская газета – встречался с собратьями по перу. Помню Лушкина, читавшего свою книгу о металлургах. Однако первые мои стихи были опубликованы в «Комсомольце Кузбасса» (несколько лет я прожил в Кемерово, работая художником в НКХК, затем – администратором в филармонии).

И учился. Учился всему, что находил в научно-популярных брошюрах и книгах, адресованных широкому кругу читателей. Учился русскому языку. Читал философские труды. Изучал геологию, архитектуру, археологию, этнографию. Особенно интересовали меня астрономия и биология.

Самообразование – учение без преподавателей, толмачей научных истин, собранных в книгах, – наиболее трудный путь к познанию. Но я был молод и, следовательно, полон сил, мой дух питали великие примеры Алексея Максимовича Горького и Майкла Фарадея.

Итак, благодаря большой любознательности и свободе, не ограниченной школьной или университетской программами, я переработал массу информации из многих областей естествознания. Именно – переработал, потому что я, читая, думал, то есть подвергал критике и анализу то, что попадало мне в руки: этот метод позволял мне, в известной мере, идти дальше источника, из которого я черпал те или иные знания. Например, согласно учению Опарина, жизнь на Земле возникла из так называемой коацерватной капельки, то есть сгустка живой материи, образовавшейся в теплом первичном океане... По моей же гипотезе, которая ничуть не хуже приведенной выше, сам океан – продукт жизнедеятельности организмов, притом уже более сложных, чем биологические структуры, приведенные выше.

Хорошее дело – самостоятельное образование, но, к сожалению, у него все стороны – негативные. Прежде всего, плохо то, что самоучка (кстати, между этим термином и словом «невежда» многие не видят различия) не имеет ни степеней, ни дипломов; иначе говоря, отсутствие названных атрибутов большинству людей – хотя бы они того или нет – мешает относиться без предвзятости к тому, кто ими не обладает. Эти выводы я сделал из собственного опыта и, полагаю, они являются одной из причин моих бед, речь о которых пойдет ниже.

Разумеется, кое-что предлагал издательствам, правда, очень редко и неохотно. К сожалению, все, что посылал, возвращалось. Рецензии были разные – умные и нелепые (один рецензент, например, упрекал меня за то,

что я пренебрегаю каноном, когда рифмую сонеты. Между тем, у Самуила Яковлевича Маршака есть стихи, которые он сочинил именно по этому поводу: «Шекспир, как некогда и Дант, не презирал сонетов; но, несмотря на свой талант, не рифмовал он, как педант, начальных двух куплетов...»; другой – отвечая на мою фантастическую повесть – начал многообещающей фразой: «Книга написана на профессиональном уровне», а кончил невнятным лепетом о «досадных погрешностях...»).

Переболев день–другой тяжелой формой депрессии (мои почтовые вылазки в издательства обычно этим заканчивались: увы, за беззащитным и бесправным существом, каким является безымянный автор, стоит живой человек, которому больно, как и всякому смертному, когда он ищет и не находит сочувствия), я снова сел за стол и продолжал делать то, без чего уже давно не мыслю своего существования.

Литературная критика есть удобный повод вылить на автора избытки желчи или сиропа, в зависимости от того, чем обладает критик; в самом произведении, как правило, то и другое отсутствует.

Своим успехом книга обязана читателям с богатым воображением; они наделяют ее сокровищами, о которых чаще всего автор не подозревает.

Если бы издательства платили не за многословие, а за краткость, лаконичность, рецензенты охотно отвечали бы «да». Одобрение не требует пространных мотивировок, которые совершенно необходимы в случае отказа.

Бурмин П.С.
24.10.1987 г.

Оглавление

СКАЗКА	4
СКАРЕД	4
СЛЕПОЕ СЕРДЦЕ	5
ГЛУПАЯ СОРОКА	5
НЕ БЕРЕЖЛИВАЯ РЕКА	5
СПЕСИВЫЙ ГУСЬ	6
МЫШКА И ХОМЯЧОК	6
ДВА ПУТНИКА	7
БОГАТСТВО	7
БЕЛЫЙ ВОРОН	7
БУРУНДУЧОК	8
БОБЕР	10
ЗАГАДКА	10
БАБОЧКА	11
БЕЛОЧКА	12
О себе	15

Тираж 50 экз.